

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-106-118

«Восточничество» Э.Э. Ухтомского: основы формирования геополитической концепции

Константин А. Медведев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tecedvedced@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить причины становления идеи «восточничества» во взглядах известного русского мыслителя рубежа XIX–XX вв. Эспера Эсперовича Ухтомского.

На основе опубликованных работ мыслителя, а также ряда архивных материалов автор пытается проследить, каким образом идеи Ухтомского вписываются в контекст указанной эпохи, выявить те процессы, которые могли оказать существенное влияние на творчество мыслителя.

Особенностью исследования является стремление автора не столько репрезентовать концепцию Ухтомского, касающуюся как политической, так и культурной необходимости поворота России на Дальний Восток, сколько представить различные аспекты политического, социального, психологического, культурного и иного характера, которые способствовали формированию концепции «восточничества». В статье рассматривается не сама идея, но тот интеллектуальный мир, в котором она находилась.

Автор прибегает к использованию некоторых аспектов интеллектуальной истории, получившей в последние десятилетия распространение в отечественной и зарубежной историографии.

На основе изученных данных делается вывод о том, что идея «восточничества» была сформулирована Эспером Эсперовичем Ухтомским под влиянием как личностных факторов, так и общей интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: история России, Эспер Эсперович Ухтомский, восточничество, интеллектуальная история

Для цитирования: Медведев К.А. «Восточничество» Э.Э. Ухтомского: основы формирования геополитической концепции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 106–118. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-106-118

The Easternism of E.E. Ukhtomskii. Geopolitical concept formation

Konstantin A. Medvedev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, meccedvecced@mail.ru

Abstract. The author of the article makes an attempt to elicit reasons for the Easternism formation in the ideas of famous Russian intellectual Esper Esperovich Ukhtomskii at the turn of 19th – 20th centuries.

On the basis of some published and archival materials the article demonstrates in what way Ukhtomskii's ideas might be included into the context of modern time. He also elicits different aspects that could influence the philosopher's work.

The specific feature of the research is not so much to represent the concept of Ukhtomskii that concerns political and cultural necessity of the Russia's turn to the Far East but rather to demonstrate different aspects of political, social, psychological, cultural and other properties which prompted the creation of the Easternism. The article does not represent the concept itself but the intellectual sphere that includes this idea, referring to some aspects of intellectual history that was spread in Russian and foreign historiography in recent years.

The author concludes arguing that the idea of the Easternism was formulated by Esper Esperovich Ukhtomskii under the influence of personal factors and common intellectual tradition at the turn of 19th – 20th centuries.

Keywords: History of Russia, Esper Esperovich Ukhtomskii, Easternism, intellectual history

For citation: Medvedev KA. The Easternism of E.E. Ukhtomskii. Geopolitical concept formation. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History, International Relations"*. 2018;4:106-118. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-106-118

Введение

Во второй половине XIX столетия Россия пыталась следовать общим тенденциям в области постижения, проникновения, освоения Востока. Активное продвижение на Восток в течение трех веков привело некоторых русских мыслителей и публицистов к необходимости осмысления этого уникального феномена как части общеевропейского колониального движения [1 с. 219]. Между тем в России, в отличие от многочисленных интеллектуальных традиций европейских стран, получило распространение течение, которое не просто связывало русский народ с Азией, но по сути рассматривало его в качестве одного из азиатских. Речь здесь идет о «восточничестве».

«Восточничество» является одной из тем, которые попали в поле зрения отечественных исследователей лишь на современном этапе развития историографии. В.В. Суворов представляет его в качестве системы взглядов целой плеяды отечественных интеллектуалов на проблему расширения России на Восток, что, по мнению автора, возводит данное течение в ранг имперской идеологии [2 с. 5]. Действительно, в конце XIX в. «восточничество» занимало умы многих представителей интеллектуальной элиты, включая и самого императора Николая II. Представления о родственности российской и азиатской культур являлись одним из важных проектов, формировавшим общую картину отечественной геополитической мысли. В свою очередь, при создании этой картины невозможно обойти вниманием тему «восточничества», а равно и тех людей, которые продвигали данную концепцию в жизнь. В настоящем материале предлагается остановиться на одном из оплотов данной концепции – князе Эспере Эсперовиче Ухтомском (1861–1921).

В советской историографии не проводилось значительных исследований, раскрывавших личность Э.Э. Ухтомского. Перелом наступил лишь в последние десятилетия. Здесь, однако, необходимо отметить, что личность Э.Э. Ухтомского остается главным образом в поле зрения тех исследователей, чьи профессиональные интересы находятся в области изучения различных идей и концепций (в том числе и геополитических), высказывавшихся в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. Примером тому может служить исследование А.В. Репникова, в котором рассматриваются консервативные концепции переустройства России [3]. Тем не менее сама личность князя также все больше привлекает внимание исследователей. Для подтверждения этого можно обратиться к двум диссертациям [4,5], непосредственно посвященным личности князя, не говоря уже о различных статьях [6,7], раскрывающих аспекты жизни Э.Э. Ухтомского. Однако для современной исторической науки показателем актуальности изучения такой фигуры, как Э.Э. Ухтомский, являются не столько публикации, раскрывающие саму личность автора, сколько все большее обращение отечественных и зарубежных исследователей к интеллектуальной жизни России конца XIX – начала XX в. Концепцию «восточничества», как правило, нельзя обойти вниманием при изучении подобного рода вопросов. Неслучайно канадский исследователь Д. Схимальпенник ван дер Ойе в своей монографии [8] выделил данное направление отечественной мысли в качестве одной из четырех фундаментальных составляющих, формировавших российскую геополитическую мысль накануне Русско-японской войны. Таким образом, актуальность изучения концепции «восточничества», а

также самой личности князя Э.Э. Ухтомского, обуславливается общими тенденциями современной отечественной и зарубежной историографии.

Исходя из вышеизложенного, в настоящем материале предполагается сосредоточить внимание на личности Э.Э. Ухтомского. Целью данного исследования является изучение тех факторов, которые могли формировать «восточнические» взгляды Э.Э. Ухтомского. Пытаясь понять те причины, которые обусловили обращение Э.Э. Ухтомского к «восточничеству», необходимо обращать внимание не столько на сами факты, сколько на процесс, на то, как те или иные события, явления оказывали влияние на представления современников.

Основы формирования концепции

Рассматривая личность Э.Э. Ухтомского, в первую очередь необходимо обратить внимание на моменты политического свойства. Во второй половине XIX столетия сразу несколько факторов подтолкнули русскую общественность к обращению на Восток. Поражение России в Крымской войне вызвало у русской общественности разочарование в Европе, сформулировало враждебный образ европейцев, которые не желают мириться с российским величием [9 с. 125]. Господствовавшая в общественной мысли идея относительно геополитических интересов России в Европе, конечно, не была сломлена, однако вступила в стадию кризиса, который заставил политическую элиту искать некоторую альтернативу движению на Запад.

«Мы опоздали! Англичане готовятся властно вторгнуться в царство Далай-ламы. Очевидно, назревает необходимость для русского общества ближе познакомиться с известного рода вопросами, стоящими ныне на очереди, благодаря своему научному и политико-экономическому значению» [10 с. 3]. Данное заявление было сделано Э.Э. Ухтомским в сочинении, выпущенном в 1904 г. по случаю предпринятой англичанами военной экспедиции в Тибет. Широкое внимание к противостоянию России и Англии в политической, военной и иных сферах являлось давней традицией отечественной политической мысли. Активные действия Британской империи в Азии вызывали у многих представителей российской интеллектуальной элиты соответствующую реакцию, выражавшуюся, в частности, в призыве защищать российские интересы на Востоке. Противостояние России и Англии на протяжении XIX столетия способствовало выработке в общественном сознании негативного

восприятия любых начинаний островного государства, которые прямо или косвенно затрагивали интересы Российской империи. Подобные представления общества об Англии были довольно привычным делом. Неслучайно в том же «Новом времени» – печатном органе, в котором активно выражались «восточнические» позиции, – сама Англия, равно как и ее любые продвижения на Восток, воспринимались аналогичным образом. В связи с этим реакция князя на происходившие события, равно как и общий выработанный им восточный курс, могли стать результатом общих политических тенденций.

Что же касается политических взглядов самого князя, то тут оценки исследователей расходятся. Исходя из общих положений «восточничества», по мнению современных исследователей, Э.Э. Ухтомского можно отнести к крылу консерваторов [5 с. 83]. В то же время активная работа князя на данном посту, заключавшаяся в том числе в осуждении чрезмерной русификаторской политики правительства по отношению к народам Востока, настроила против князя многих консерваторов. Впрочем, симпатии Ухтомского к самодержавию, равно как и к самому Николаю II, не вызывали ни у кого особых сомнений. Важность сохранения и укрепления самодержавия в России Ухтомский обосновывал тем, что «без него Азия не способна искренно полюбить Россию и болезненно отождествиться с ней» [11 с. 87]. По всей видимости, представления о глубоких традициях сильной, единоличной, централизованной власти, укоренившейся в России, находили определенное выражение в представлениях Э.Э. Ухтомского и других сторонников «восточничества» об азиатских культурах. Этим и обусловливается симпатия князя к «деспотиям» Востока в противовес «парламентизированным» странам Запада.

Большое значение в своей концепции Э.Э. Ухтомский отводил религиозным и национальным проблемам. Российская империя на рубеже XIX–XX вв. включала в свой состав многочисленные народы, разделяемые как по национальному, так и по религиозному признаку. С восхождением на престол Александра III и началом эпохи контрреформ политика в отношении национальных меньшинств была изменена в сторону ограничения их прав на самоопределение [12 с. 68]. Данные действия вызвали ответную реакцию у части отечественных интеллектуалов, призывавших императора смягчить свою политику. Не стал исключением и Э.Э. Ухтомский.

Как отмечает В.В. Суворов, процесс становления «восточнических» взглядов Э.Э. Ухтомского имеет тесное соприкосновение с общим процессом формирования национального самосознания,

происходившим в Российской империи [5 с. 168]. На рубеже XIX–XX столетий осуществлялись попытки формирования национальной идентичности как у отдельных народов, так и у «титulyного этноса» России. Многие мыслители стремились к определению места русского народа в условиях сосуществования с другими народами и странами. В представлениях Ухтомского, будущее России лежало в Азии, которая, в отличие от враждебной Европы, считала русский народ для себя родным. Тем самым «восточничество» Ухтомского могло стать следствием поиска национальных ориентиров, происходившего в России в указанное время. Неслучайно сам князь отмечал обеспокоенность тем, что Россия в Боксерском восстании, которое также являлось следствием роста национальных настроений, но уже в Поднебесной, и которое грозило, по мнению Ухтомского, перерасти в «страшный водоворот», охвативший всю Азию, поддерживала европейские государства, а не родственную ей китайскую культуру [11 с. III].

Немаловажным аспектом при рассмотрении причин обращения Э.Э. Ухтомского к «восточничеству» являются представления о научном знании на рубеже XIX–XX вв. Если говорить о главной парадигме научного знания XIX в., то в сознании современного ученого, как правило, сразу возникает понятие «позитивизм».

Как следует из названия, данное направление стремилось к нахождению сугубо «позитивного», т. е. объективного, знания, основанного исключительно на эмпирических, т. е. чувственных, положениях [13 с. 289]. Э.Э. Ухтомского, как и многих других мыслителей рассматриваемого времени, интересовали научные вопросы, связанные с восточными учениями и народами. Однако, обращаясь к основным положениям «восточничества», к тем высказываниям, которыми оперирует сам мыслитель, можно сделать вывод о преобладании во взглядах автора противоречащей позитивизму иррациональной составляющей. При ответе на вопрос о родстве России и Азии Ухтомский приводит следующие слова: «Народное мифологизирующее творчество не дремлет. Чем бодрее на Азию наступает Европа, тем светлее там озаряется в устах молвы и предания Белый Царь» [11 с. 45]. Использование подобного выражения говорит о значительном преобладании в концепции Ухтомского метафизической составляющей. Идея «Белого царя» способствует формированию в представлении читателя определенного чувственного образа, закрепляющего в сознании идею родственности русской и восточной культур.

Однако было бы ошибочным полагать, что идеи «восточничества» являются аномальным явлением, которое шло вразрез с преобладавшими в то время критериями научного знания.

Появление «восточничества» Ухтомского является закономерным итогом общих процессов, происходивших в научном знании на рубеже XIX–XX вв. Как в европейской, так и в российской интеллектуальной сфере позитивистская вера в науку и разум переживала глубокий кризис [8 с. 78]. Ученые и мыслители пытались найти некоторую альтернативу сложившейся парадигме, в том числе обращаясь к мифической стороне Востока.

Многочисленные перемены, происходившие в научной сфере, затронули и многие проблемы исторического характера. Во второй половине XIX в. все больше исследователей стали обращаться в сторону Азии. Отечественная историография, которая ранее предпочитала отрицать влияние восточных, в частности монгольской, культур в процессе формирования Российского государства, стала уделять данному вопросу заметно большее внимание [8 с. 86]. Все это, наряду с развитием востоковедения как самостоятельной отрасли знания, а также развитием исторической науки в целом [5 с. 175], не могло не способствовать оформлению «восточнических» идей Э.Э. Ухтомского.

Рассматривая взгляды Э.Э. Ухтомского, нельзя избежать и «личностного» фактора. Под данным термином подразумевается воздействие на геополитическую позицию князя его многочисленного окружения. Нельзя забывать, что зачастую приоритеты того или иного мыслителя оказываются под сильным воздействием тех людей, которые окружают его на протяжении долгого времени, а порой и в течение всей жизни. Ведь личностное знание способствует передаче тех представлений, которые теряются при перенесении их в безличную текстовую форму.

Э.Э. Ухтомский не стал исключением. Биография князя полна многочисленными фактами общения с умнейшими и наиболее уважаемыми людьми своего времени. Впрочем, особняком стоят семейные традиции князя. Вероятно, на интерес Э.Э. Ухтомского к Востоку повлияло домашнее окружение. Помимо того что сам Эспер Эсперович являлся потомком одного из героев Чесменского сражения, С.К. Грейга [14 с. 105], его отец – Эспер Алексеевич Ухтомский – был участником обороны Севастополя во время Крымской кампании, а позже входил в состав экипажа корвета «Витязь», совершившего кругосветное путешествие [6 с. 296].

Сам Э.Э. Ухтомский во многом стал известен благодаря своему фундаментальному труду, посвященному длительному путешествию на тот момент еще цесаревича Николая Александровича, совершенному в 1890–1891 гг. по странам Востока. В своем сочинении князь отзывается о данном мероприятии следующим образом: «Конечно, бывали путешествия и сложнее, и продолжительнее, и

опаснее, но едва ли было и едва ли может скоро повториться в мировой истории второе подобное путешествие, важное особенно потому, что его последствия пока еще неопределимы» [15 с. 2]. Данные слова отчетливо передают ту иррациональную составляющую, которая наполняет все творчество Ухтомского. Князь придает путешествию довольно глубокий метафизический смысл, формируя образ, соединяющий Россию с Азиатским континентом. Между тем само путешествие могло сыграть важную роль в оформлении «восточнических» взглядов мыслителя. Семейная традиция стала тем самым личностным знанием, укрепившим во взглядах Ухтомского симпатию к миру Востока, который ему удалось увидеть не только на страницах многочисленных изданий, но и собственными глазами. Немаловажен тот факт, что это плавание князь совершил вместе с будущим императором. Э.Э. Ухтомский стал одним из приближенных Николая II. Тесные отношения с самодержцем, его симпатии относительно продвижения России на Восток могли способствовать утверждению Ухтомского в мысли о том, что выбранный им путь является верным.

Необходимо принимать в расчет и взаимодействие Э.Э. Ухтомского с интеллектуальной элитой своего времени, в частности с В.С. Соловьевым, наставником князя. Творчество Соловьева, которое также определяло специфический путь России, во многом способствовало оформлению взглядов мыслителя. Важно взаимодействие Ухтомского и с другими учеными, философами, публицистами: П.А. Бадмаевым, А.С. Сувориным, В.П. Мещерским и другими [4 с. 29–30]. Примечательно, что князь входил в состав «тибетского лобби» при дворе императора, включавшего в себя небезызвестного П.П. Семенова-Тянь-Шанского, а также великих князей – Николая Михайловича и Константина Константиновича [4 с. 44].

Рассматривая взгляды Э.Э. Ухтомского, нельзя исключать и психологический аспект. Концепция князя во многом основывается на иррациональной составляющей, поскольку мыслитель, выдвигая те или иные аргументы в пользу своей теории о родственной сути русской и восточной культур, зачастую оперирует сугубо чувственными, можно даже сказать, субъективными данными. Так, говоря об отношении русского народа к Китаю и Японии, князь отмечает «инстинктивное тяготение в сторону прочной и обоюдно полезной приязни с дальним Востоком» [11 с. 74–75]. Ухтомский во многом исходит из чисто субъективных умозаключений, которые, вполне вероятно, являются не столько следствием интеллектуальных тенденций рубежа XIX–XX вв., сколько особенностью психологического портрета самого мыслителя, который позволя-

ет воспринимать уже упоминавшееся путешествие цесаревича по странам Азии в качестве «замыкающего звена», определившего родственность российской и восточной культур [15 с. 319].

Как отмечает Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, представления о Востоке, циркулировавшие в российском обществе на рубеже веков, равносильны представлениям мыслителей о самой России [8 с. 18]. Данную мысль вполне возможно использовать при изучении личности Э.Э. Ухтомского. Иррациональные представления князя о родстве империи с Востоком могут являться следствием психологических особенностей личности Э.Э. Ухтомского, его принципов и приоритетов. Так, русский театральный деятель Сергей Михайлович Волконский давал князю следующую характеристику: «Это странная фигура. Что-то обаятельное по природным данным и вместе что-то раздражающее, способное в отчаяние привести по практической неприложимости. <...> Он говорил как-то мелко, рублено и с преимущественным уклоном к анекдоту. В силу последней привычки он бывал иногда забавен, иногда несносен» [4 с. 45]. Указываемые особенности порой прослеживаются и в творчестве Ухтомского, когда мыслитель, пытаясь аргументировать свои положения, прибегает к использованию привлекающих внимание выражений, которые в то же время были малопонятными для современников. В частности, на приеме у китайского императора, состоявшемся 14 мая 1897 г., Ухтомский произнес речь, в которой отметил, что среди всех европейских народов только русские являются тем народом, который имеет с Востоком единые духовные основания [Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 148. Оп. 487. Д. 59. Л. 34: Переписка, относящаяся к миссии Ухтомского, оправленного в Пекин для передачи подарков Богдыхану]. Надворный советник Павлов, находившийся вместе с Ухтомским в Пекине, сформировал следующее представление о князе: «По моему это человек проникнутый самыми лучшими намерениями по отношению России и нашей политике на Дальнем Востоке; но это – мечтатель, витающий в каких-то возвышенных сферах, заглядывающий за сто лет вперед, строящий свои заключения на каких-то темных и даже мистических теориях; о практическом же ведении дел имеющий самое смутное понятие; тем, что должно нас занимать в данный момент он, как будто, даже не интересуется» [Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 148. Оп. 487. Д. 59. Л. 55: Переписка, относящаяся к миссии Ухтомского, оправленного в Пекин для передачи подарков Богдыхану].

Приводимые Павловым слова лишний раз подчеркивают мнение В.В. Суворова о том, что «восточничество» Ухтомского

основывалось не только на рациональных расчетах, вызванных важностью освоения Дальнего Востока и укрепления своих позиций в регионе на рубеже веков, но и на довольно мифологизированных представлениях и интуитивных импульсах князя [5 с. 165].

Полнота осмысления «восточнической» концепции Э.Э. Ухтомского невозможна без обращения к философским тенденциям рассматриваемого времени. Одним из фундаментальных направлений, получивших распространение в отечественной философской традиции XIX – начала XX в., стала историософия, рассматривавшая вопросы смысла и цели исторического процесса. Следствием историософских изысканий становились представления о времени и направлениях движения различных культур, в том числе и российской. В свою очередь, одной из главных тем в данной области на рубеже веков стала конфронтация Запада и Востока как двух возможных путей для русского народа и России в целом [16 с. 3].

В Российской империи, в отличие от европейских стран, во времена идеологических кризисов, а также попыток самопознания Восток занимал важное место в интеллектуальной жизни [8 с. 19]. На протяжении XIX столетия во многом привычная европоцентристская модель была важной, но далеко не единственной концепцией, пользовавшейся авторитетом как в интеллектуальных, так и в политических кругах. В свою очередь, «восточничество» могло стать следствием многочисленных обращений к Востоку, имевших место в русской интеллектуальной традиции. Нельзя не принимать во внимание и определенный универсализм русской историософии, впитывавший в себя самые разные концептуальные формы [4 с. 188]. Данный универсализм получил выражение и в «восточнических» взглядах князя. Несмотря на весьма консервативные взгляды князя, выражавшиеся также и в поддержке самодержавия, Ухтомского сложно в полной мере назвать представителем консервативного крыла. Его взгляды, рассматривающиеся зачастую как протоевразийские, включали в себя самые разные тенденции рассматриваемого времени, в частности принципы социокультурного синтеза, которые отчетливо видны в трудах князя, когда речь идет о вопросах единства российской и китайской культур под властью «Белого царя», который должен был стать российский император.

Высказывая свое мнение по поводу позиции России в подавлении Боксерского восстания в Китае, Ухтомский отмечает, что для Российского государства есть лишь два пути: либо принять историческую и культурную особенность русского на-

рода, сочетающего в себе европейские и азиатские традиции, и обратить свой взор на Восток, либо остаться в Европе и таким образом обеспечить себе погибель [11 с. 85]. Подобные слова Ухтомского невольно обращают внимание на творчество близкого друга и наставника князя – В.С. Соловьева, чьи взгляды также отводили России особое место между Западом и Востоком, хотя в то же время не стремились приравнять Россию к восточным культурам.

Заключение

Как можно видеть из представленных выше данных, оформленные взгляды Э.Э. Ухтомского тесно связано с различными аспектами прошлой социальной реальности. «Восточничество» в итоге явилось следствием многочисленных процессов, происходивших в российском обществе на протяжении XIX столетия, а также тех, что выходили далеко за его рамки.

Хотя многие идеи на рубеже XIX–XX вв. активно заимствовались из европейской мысли, «восточнические» взгляды получили оформление в умах именно российских мыслителей. Сама же идея, основывавшаяся на принципах отличного от западного пути развития Российской империи, циркулировала в российском обществе на протяжении длительного времени. «Восточничество» стало, в свою очередь, тем течением, которое вывело данную фундаментальную идею на новый уровень, придало ей совершенно иной смысл под напором многочисленных социальных, философских, политических, культурных, а также иных тенденций рассматриваемого времени. Э.Э. Ухтомский прекрасно подходил на роль выразителя данной концепции.

Несмотря на доминировавшую в российском обществе идею о превосходстве западной культуры над восточной, вследствие деятельности Э.Э. Ухтомского данные представления были несколько отодвинуты на второй план. Благодаря работам князя, а также целого ряда его последователей, восточная культура предстала в глазах общественности не просто в качестве равной, но в качестве идентичной русской культуре. Впрочем, факт относительно быстрого угасания данной концепции в глазах общественности был вызван не только болезненным поражением в Русско-японской войне. Идеи, выразившиеся Ухтомским в его многочисленных трудах, были не вполне понятны современникам. Дело не только в стремлении князя уподобить Россию странам Азии, вызывавшем многочисленные вопросы у общественности. Аргументы, речь кня-

зя, совокупность используемых им символов были во многом непонятны его критикам. Вследствие этого «восточнические» взгляды князя, получившие вполне закономерное оформление на рубеже веков, также закономерно были забыты. Тем не менее нельзя не отметить, что концепция, выдвинутая Э.Э. Ухтомским, занимала весьма крепкие позиции в первые годы правления последнего русского императора.

Литература

1. *Сунь Чжинцин*. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX в.: желтая опасность и особая миссия России на Востоке. М.: Наталис, 2008. 256 с.
2. *Суворов В.В.* Восточничество: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. 107 с.
3. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
4. *Стрижак Ю.Н.* Проблемы диалога культур Э.Э. Ухтомского: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 286 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01006735070> (дата обращения 01.09.2018).
5. *Суворов В.В.* Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 228 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01004973501> (дата обращения 01.09.2018).
6. *Репников А.В.* Россия и Восток в жизни и творчестве Э.Э. Ухтомского // Ключевские чтения – 2012: Российская государственность и освободительные войны. Т. 1. М.: Спутник+, 2013. С. 296–303.
7. *Чернов К.Н.* Отношение России к Востоку во взглядах князя Э.Э. Ухтомского // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 6. С. 51–53.
8. *Схиммельпенинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
9. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 598 с.
10. *Ухтомский Э.Э.* Из области ламаизма: К походу англичан на Тибет: конец XIX века. М.: Либроком, 2012. 136 с.
11. *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая Скоропечатня Восток, 1900. VIII, 88 с.
12. *Суворов В.В.* Национально-религиозные взгляды Э. Ухтомского // Власть: Общественно-полит. журн. 2010. № 9. С. 68–70.
13. *Савельева И.М., Поletaев А.В.* Теория исторического знания. СПб.: ГУ ВШЭ, 2008. 523 с.
14. *Леонов Г.А.* Э.Э. Ухтомский: К истории ламаистского собрания Государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 101–116.
15. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток. Т. 1. Ярославль: Китеж, 2010. 392 с.
16. *Королева Л.Г.* Основные идеи русской философии XIX–XX веков. Курск: РОСИ, 2001. 256 с.

References

1. Sun Jinqing. The Chinese policy of Russia at the turn of 19th – 20th centuries: the Yellow Peril and the special mission of Russia in the East. Moscow: Natalis Publ.; 2008. 256 p. (In Russ.)
2. Suvorov VV. Easternism. Cultural -historical concept and imperial ideology. Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet Publ.; 2015. 107 p. (In Russ.)
3. Repnikov AV. Conservative concepts of Russia's reconstruction. Moscow: Academia Publ.; 2007. 520 p. (In Russ.)
4. Strizhak YuN. Problems of cultures' dialogue of E.E. Ukhtomskii. [dis. ... kand. filol. nauk]. Sankt-Peterburg, 2013. 286 p. [data obrashcheniya 01.09.2018]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01006735070> (In Russ.)
5. Suvorov VV. Prince E.E. Ukhtomskii: life, activity, ideological heritage. [dis. ... kand. ist. nauk]. Saratov, 2011. 228 p. [data obrashcheniya 1 Sept. 2018]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01004973501> (дата обращения 01.09.2018). (In Russ.)
6. Repnikov AV. Russia and the East in the life and work of E.E. Ukhtomskii. V: *Klyuchevskiy Conference – 2012. Russian statehood and liberation wars*. Vol. 1. Moscow: Sputnik+, 2013. p. 296-303. (In Russ.)
7. Chernov K.N. The attitude of Russia to the East in the ideas of E.E. Ukhtomskii. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2005;6:51-3. (In Russ.)
8. Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun. How imperial myth-making led Russia to war with Japan. M.: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2009. 421 p. (In Russ.)
9. Lukin AV. The bear watches the dragon. The image of China in Russia of the 17th – 21st centuries. Moscow: AST: Vostok–Zapad Publ.; 2007. 598 p. (In Russ.)
10. Ukhtomskii EE. From the field of Lamaism: On the march of the English to Tibet. Late 19th century. Moscow: Librokom Publ.; 2012. 136 p. (In Russ.)
11. Ukhtomskii EE. On the events in China. The attitude of the West and Russia to the East. Sankt-Peterburg: Parovaya Skoropechatnaya Vostok Publ.; 1900. VIII, 88 p. (In Russ.)
12. Suvorov VV. National and religious ideas of E. Ukhtomskii. *Vlast'*. 2010;9:68-70. (In Russ.)
13. Savelieva IM., Poletayev AV. Theory of historical knowledge. Sankt-Peterburg: GU VShE Publ.; 2008. 523 s. (In Russ.)
14. Leonov GA. E.E. Ukhtomskii. On the history of the Lamaist collection of the State Hermitage. V: *Buddhism and literary and artistic work of the peoples of Central Asia*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1985. p. 101-16. (In Russ.)
15. Ukhtomskii EE. The journey of the Emperor Nicholas II to the East. Vol. 1. Yaroslavl': Kitezh Publ.; 2010. 392 p. (In Russ.)
16. Korolyova LG. Basic ideas of Russian philosophy of 19th – 20th centuries. Kursk: ROSI Publ.; 2001. 256 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Константин А. Медведев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; meccedvecced@mail.ru

Information about the author

Konstantin A. Medvedev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; meccedvecced@mail.ru